

Советский город и его повседневная жизнь периода «оттепели» в повести Олега Ханеева «У тебя впереди жизнь»

Валерий Панасюк

Кафедра режиссуры и актерского мастерства

Киевского национального университета культуры и искусств, Украина

Department of Acting and Directing

Kyiv National University of Culture and Arts, Ukraine

E-mail: panval59@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2307-6175>

<https://ror.org/012b9mf52>

Резюме. Текст повести журналиста и прозаика Олега Ханеева «У тебя впереди жизнь», опубликованной в 1962 г. в Вильнюсе Государственным издательством художественной литературы Литовской ССР, анализируется в системе координат герменевтики ландшафта. Отметим, что повесть является идеологически выверенным продуктом, но представляет интерес с точки зрения изображенной в нем советской повседневности. В статье определяются авторские особенности изображенного в повести города Вильнюса в пору советской «оттепели». Устанавливается, что по своим урбанистическим показателям описанный в повести город представляет собой периферийное образование со свойственным ему патриархальным укладом повседневной жизни и соответствующими поведенческими моделями его народонаселения. Подчеркивается зависимость Вильнюса от административных центров Советского Союза, где вырабатываются и откуда заимствуются символически важные и общественно значимые духовные и материальные ценности.

Ключевые слова: Вильнюс, город, локус, периферия, повседневность.

The Soviet City and its Everyday Life During the 'Thaw' Period in Oleg Khaneev's Novella *Life Lies Ahead of You*

Abstract. The novella *You Have Your Life Ahead of You* by the journalist and prose writer Oleg Khaneev, published in Vilnius in 1962 by the State Publishing House of Fiction of the Lithuanian SSR, is analyzed within the conceptual framework of the hermeneutics of landscape. It should

Received: 17/07/2025. Accepted: 31/08/2025

Copyright © 2025 Валерий Панасюк. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

be noted that the novella represents an ideologically verified product, yet it is of interest for its depiction of Soviet everyday life. The article identifies the author's distinctive portrayal of the city of Vilnius during the Soviet 'Thaw' era. It has been established that, according to its urban characteristics, the city in the novella represents a peripheral formation with its patriarchal everyday structure and corresponding behavioral patterns among its inhabitants. The dependence of Vilnius on the administrative centers of the Soviet Union is emphasized, as it is from these centers that symbolically and socially significant spiritual and material values are formulated and adopted.

Keywords: Vilnius, city, locus, periphery, everyday life.

Sovietinis miestas ir jo kasdienis gyvenimas „atlydžio“ laikotarpiu Olego Chanejevo apysakoje „Gyvenimas prieš akis“

Santrauka. Straipsnyje pasitelkiant kraštovaizdžio hermeneutikos įžvalgas analizuojama žurnalisto ir prozininko Olego Chanejevo apysaka „Gyvenimas prieš akis“ (išleista Vilniuje, Lietuvos TSR Valstybinės grožinės literatūros leidykloje 1962 m.). Pažymėtina, kad apysaka yra ideologiškai nugalėtas produktas, tačiau ji įdomi kaip sovietinės kasdienybės vaizdavimo šaltinis. Straipsnyje išskiriami autoriaus „atlydžio“ laikotarpio Vilniaus vaizdavimo ypatumai. Straipsnyje teigiama, kad Vilnius pagal urbanistinius rodiklius vaizduojamas kaip sukonstruotas periferinis darinys, turintis jam būdingą patriarchalinę kasdienio gyvenimo struktūrą ir atitinkamus gyventojų elgsenos modelius. Pabrėžiama Vilniaus priklausomybė nuo Sovietų Sąjungos administracinių centrų, kuriuose formuojamos ir iš kurių perimamos simboliškai svarbios bei visuomenei reikšmingos dvasinės ir materialinės vertybės.

Reikšminiai žodžiai: Vilnius, miestas, lokusas, periferija, kasdienybė.

Повесть Олега Ханеева «У тебя впереди жизнь» была выпущена в свет в 1962 г. Государственным издательством художественной литературы Литовской ССР без указания количества тиражных экземпляров. Сразу же отметим, что повесть представляет собой идеологически правоверный текст и, если использовать элегантную иронию советской поры, является «мало высокохудожественным» произведением. Сегодня, по «большому научно-гамбургскому счету», текст О. Ханеева требует развернутого историко-культурологического комментария и оказывается в том междисциплинарном пространстве, которое принято называть «историей повседневности», – в точке пересечения различных отраслей гуманитарной науки: социологии, исторической антропологии и литературоведения. При этом возникает парадоксальная ситуация, когда «чем хуже, тем лучше». Ведь по верному замечанию Натальи Лебиной, «фактурную ценность» получают тексты в художественном отношении низкопробные, где особое значение приобретает «наличие внешне второстепенной, но потому

и достаточно достоверной информации о бытовых реалиях жизни в СССР» (Лебина, 2024, с. 24).

Интерес к советской повседневности разных временных отрезков в современной гуманитарной науке стабильно велик. Уже к существующему корпусу текстов (некоторые из которых стали «классикой жанра», как, например, книга Петра Вайля и Александра Гениса «60-е. Мир советского человека» [Вайль, Генис, 2021]) в последнее десятилетие прибавились новые труды Анатолия Голубева (Голубев, 2022), Сергея Канунникова (Канунников, 2025), Натальи Лебиной (Лебина, 2023, 2024), Дмитрия Травкина (Травкин, 2024), Юлии Папушиной (Папушина, 2025), а также работы зарубежных исследователей, продолжающих лучшие традиции бывшей советологии – например, монография Кристин Эванс (Evans, 2016).

Что касается автора повести «У тебя впереди жизнь», то в паутине интернетной сети Олег Петрович Ханеев значится как советский журналист, член отраслевого союза¹. Он прожил долгую жизнь (1922–2002), которая легко укладывается в образцово-показательную парадигму «жизни советского человека». Выпускник Ленинградского государственного университета, сотрудник различных редакций средств массовой информации и учреждений, занимавшихся кинопроизводством в городе на Неве. Неизвестно, почему в середине 1950-х гг. он оказался в Вильнюсе. Не удалось установить, как долго в нем пробыл и чем занимался. Можно предположить, что Ханеев был сотрудником русскоязычной редакции «Советской Литвы» – прообраза «Советской Прибалтики», газеты из его повести «У тебя впереди жизнь». В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится машинописная копия пьесы «Любовь и ненависть», созданной в соавторстве с Григорием-Яковом Кановичем и представленной на конкурс «Лучшая советская пьеса 1957 года». Также О. Ханеев – автор целого ряда повестей, опубликованных в центральных советских издательствах, научно-популярных очерков, сценария документального фильма «Дело, которого могло не быть» (Ленинградская студия документальных фильмов, 1973 г.).

Казис Амбрасас в статье «Достижения, тенденции, перспективы. Заметки литературного критика», опубликованной на страницах «Советской Литвы» за 7 июня 1962 г., анализируя состояние современной ему литературы, констатирует: «Усиливается внимание к человеку, его судьбе, к смыслу и назначению его жизни» (Амбрасас, 1962, с. 2). Собственно, с учетом этой по своему характеру идеологической установки и написана повесть Ханеева. Автор сосредоточен на параболе жизни Андрея Свирина – журналиста, с завидной регулярностью

1 Установлено по сайту Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

вдохновляемого «музой пламенной сатиры». Острые, злободневно беспощадные фельетоны приносят ему известность в пределах отдельно взятого города и обеспечивают профессиональный авторитет в редакционной среде. Но однажды, пребывая в состоянии писательского зубодробительного экстаза, он допускает в публикации досадную ошибку. Глубоко переживая свой журналистский промах, герой в качестве нравственного искупления вины уходит рабочим на стройку. Но талантливый человек талантлив во всем. С течением времени он делает головокружительную карьеру, став бригадиром и успешно внедрив в производство штучатурный агрегат. Финал повести «открыт», хотя вполне очевидно, что у главного героя вся жизнь еще впереди, «надейся и жди».

Установка на оптимизм и достижимое светлое будущее – одна из примечательных черт советского искусства оттепельной поры. Она непосредственно связана с курсом КПСС на построение коммунизма в отдельно взятой стране. «Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым». В этом случае молодость из возрастной категории превращается в идеологическую, а молодежь советской страны осмысливается как социально активный класс. Отсюда – сценарий Геннадия Шпаликова «Долгая счастливая жизнь» и снятый по нему одноименный фильм 1966 г. (наш советский ответ «ихнему» пессимистическому, «поэту отчуждения и некоммуникабельности» Микеланджело Антониони), пьеса Виктора Розова «В поисках радости» и ее экранная версия 1960 г. – «Шумный день» (режиссеры – Георгий Натансон и Анатолий Эфрос).

Пролог жизни Андрея Свирина разворачивается в некоем городском пространстве без названия, но в таком, в котором по описанию легко угадывается Вильнюс. Поэтому вполне закономерно включение повести Ханеева в состав транскультурного образования «Вильнюсский текст». Это понятие введено в научный обиход Павлом Лавринцом, который понимает его как совокупность произведений, связанных «с тем или иным локусом» и содержащих «устойчивые семантические комплексы и однотипные сюжетно-композиционные решения» (Лавринец, 2000, с. 141). Касательно повести «У тебя впереди жизнь» логично возникает вопрос: а что это за урбанистическое образование и какая повседневная жизнь в нем протекает? Сразу следует отметить, что взгляд писателя на столицу тогдашней Литовской ССР крайне субъективен и узкоформатен. Вильнюс в повести – это недооформленное городское образование. В нем город кончается, не успев начаться:

Они свернули на главный проспект, шумевший неторопливой толпой, и пристроились к веренице таких же, спешащих куда-то машин. [...]

Проспект кончился. Под мостом угрюмо билась о сваи вздувшаяся река.

– Какой дом? – спросил Юргис, резко поворачивая руль, так что машина, круто повернув, влетела на соседнюю тихую улочку.

Андрей встрепенулся.

– Третий от угла.

Третий дом был деревянный с шатровой черепичной крышей, делавшей его похожим на старинный фрегат.

(Ханеев, 1962, с. 19–20)²

В этом фрагменте легко угадывается нынешний проспект Гедиминоса, Жверинский мост над рекой Нерис и один из микрорайонов современного Вильнюса – Жверинас.

Итак, городская инфраструктура быстро переходит в сельскую. Да и наполнявшая ее толпа отличается сельской неторопливостью. Недифференцированность городских по территории, а не по социальной структуре локусов, отсутствие четких границ и архитектурных размежеваний осознается и самим населением. Вот почему одна из героинь повести, живущая в пределах административных границ города, свой дом называет дачей:

Проходя мимо Косого переулка, Андрей вспомнил, что где-то здесь живет Гета. Однажды, когда он ехал в командировку на редакционной машине, девушка просила подвезти ее.

– Вот и наша дача, – смущенно кивнула она в сторону деревянного домика с сиренью и, как бы оправдываясь, добавила: летом тут хороши (с. 147).

Полной утратой каких бы то ни было урбанистических черт отличается, например, Зеленая улица:

Вечером, не заходя домой, Андрей отправился к Шидлаускасу на Зеленую. [...]

По косогору стлались узкие темно-зеленые полоски пробивавшейся из желтоватой супесчаной почвы картофельной ботвы.

Где-то надрывались собаки.

Перемахнув через канаву, Андрей пошел наугад, доверившись петлявшей среди картофельных гряд утрамбованной стежке.

По грядкам лениво бродила комолая коза, равнодушно волоча на разломаченной узловатой веревке вырванный из земли кол. Выше, под защитой крытых железом сараев, прижавшись друг к дружке, сидели нахохлившиеся ребятишки, с удивлением поглядывая на незнакомца (с. 184–185).

² Далее повесть цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

Да и сам уклад жизни обитателей города оказывается вертикально-иерархическим, патриархально сельским:

Небольшой домик на Зеленой напоминал некую родовую общину. Здесь обитало четыре поколения. Стяпас был главой, ему принадлежала высшая исполнительная власть, хотя он и не был самым старшим: вместе с ним жил его отец – Людас, основатель династии, руками которого в общей сложности была построена добрая четверть города.

За столом Людас восседал на почетном месте – у буфета с резными украшениями. Рядом с ним хлопотала Шидлаускене. По обеим сторонам от них сидели Стяпас и Йоакимис. [...] Самые маленькие и самые шумные – внуки Стяпаса – разместились возле Альдоны, которая шефствовала над этой частью стола (с. 90–91).

Ханеев укладывает описание города и его повседневной жизни в оппозиционную парадигму «старое и новое», одну из ключевых для всего советского искусства³. В данном случае понятие «старого» (понимай, «отжившего», «обреченного») проявляется в конкретном городском локусе:

Почтовое отделение находилось на проспекте, однако, чтобы рассеяться, Бася нарочно отправилась в дальнее – в Старом городе.

Выложенный бурым кирпичом узкий переулок. Двое встречных едва расходились на тротуаре и, пропуская прохожих, Бася была вынуждена почти касаться желтых стен с редкими окнами.

Повернув, улица чуть раздалась, открыв в глубине громаду костела. Его фасад тускло-оранжевый, с темно-серыми обводами и такими же серыми наличниками, походил на угрюмое, строгое и вопрошающее лицо старца.

Попадая сюда, люди ощущали себя маленькими и ничтожными (с. 52).

Появляющееся «новое» обречено на соседство со «старым». Например, аэропорт и его ресторан (по замечанию автора, «самый большой в городе») как достижения цивилизации территориально и символически отдалены от урбанистического образования: «Аэропорт находился далеко – на Медвежьем поле, как называли эту местность старожилы в память какой-то древней легенды, относившейся чуть ли не ко времени похода тевтонского ордена» (с. 218). Поэтому после ужина из этого ресторана, т.е. Медвежьего поля, в город можно было добраться только на «попутке».

Важным компонентом того, что Ханеев называет «городом», являются руины. Одни из них – результат разрушительного воздействия времени. Со-

3 Например, ярко реализованную в одноименном фильме Сергея Эйзенштейна 1929 г.

ответствующие локусы в описании автора напоминают пейзажи французского художника Юбера Робера, который с патологической настойчивостью создавал живописные композиции с обязательными остатками разнообразных строений. Другие – последствия войны, «зияющие раны». Их пытаются «залечить», возводя новые урбанистические ансамбли:

В сквере, разбитом на месте сгоревшего во время войны почтамта, играли дети. Прошлой весной редакция работала здесь на субботнике. Тогда Андрей посадил в дальнем углу деревце с продолговатыми резными листьями. Вместе с Егором Белоглазовым. [...] Принялось оно не сразу, давало пока мало тени, и, вероятно, поэтому сейчас единственной скамейкой, на которой имелись свободные места, была как раз та, что стояла возле него (с. 72–73).

Правда, описанное Ханеевым пространство, предположительно находящееся в районе нынешней улицы Пилес, и до сей поры так и не обрело ни своего целостного архитектурного ансамбля, ни оригинального дизайнерского решения.

Владимир Каганский (Каганский, 2001), разработчик теории ландшафтной герменевтики, советское культурное пространство смоделировал в виде мишени, кругами которой становились соответствующие культурные образования: центр, провинция, периферия, контр-центр. В системе этих координат Вильнюс в интерпретации Ханеева не только не центр, но даже не провинция. Это периферия с соответствующим набором маркеров: 1) недооформленное урбанистическое образование; 2) капсулированность жизни, чем определяется повседневность и поведенческие модели; 3) зависимость от центра и провинции, активно продуцирующих общественно значимые знаковые системы.

Отсюда – регулярные в повести сравнения Вильнюса с Москвой и Ленинградом, конечно же, не в пользу первого:

Он <Лабезников, приехавший из столицы друг главного героя> деловито походил по комнате.

– А столица, сейчас, честное слово, хороша! Все кипит, как в урановом котле. А здесь, – он прислушался, – петухи поют...

– Это в соседнем дворе, – сказал Андрей, – кто-то в подвале кур держит. Безобразие!

– И лица у всех спокойные. Отвык.

Лабезников пожевал спичку (с. 41).

На героиню повести Басю, вернувшуюся из Москвы, «на перроне дохнуло привычным вокзальным ароматом – запахом жареных пирожков и угольного перегара» (с. 161). А сам город после столицы «показался тихим, солнечным»:

Улицы были вспаханы траншеями: прокладывали газопровод.

«Когда уезжала, этого еще не было», – подумала Бася, и ей показалось, что за время, которое она отсутствовала, все изменилось: и дома, и университет, все...

Но лестница их дома, обшарпанные стены с надписями мелом на нескольких языках были такими же, как и прежде. И в комнате никаких изменений. И газета на подоконнике та же, что лежала перед отъездом – с темным кружком от сковороды.

«Боже мой, какие грязные стекла!..»

Припомнилось – «выставочное» купе, концерты в Зеленом театре, кафе с зеркальной мозаикой, повторяющее на десятки ладов каждый твой шаг (с. 162).

В этом фрагменте текста прокладываемый газопровод является своеобразным символом нового, тех цивилизационных благ, которые сосредоточены в центре и проникают на периферию не систематически, а точечно-диверсионно, радикально не изменяя всего городского ландшафта и «старорежимного» уклада повседневной жизни. Эти отдельные «осколки цивилизации» можно транспортировать только в «личном багаже», о чем красноречиво свидетельствует содержимое чемоданов возвращающихся из столицы:

Возвращаясь из Москвы, Басины подружки устроили в одном из купе выставку. К стене кнопками пришили вырванный из тетрадки листок, на котором причудливой вязью вывели: «Московские подарки родным, знакомым и самим себе».

Скатали тугими рулонами полосатые, цвета морских гюйсов, матрасы и закинули их на верхние полки, а на нижних разложили авторучки «Золотая рыбка», косынки с нахохлившейся голубкой Пикассо, туфли с каблуками-шпильками, двухтомники Хемингуэя, кульки с тянучками (с. 158).

Четвертая особенность периферии – неразвитость, а то и полное отсутствие социокультурных институтов, производящих соответствующую общественно значимую продукцию и удовлетворяющих «насущные эстетические потребности народных масс». В повести Ханеева они даже не упоминаются или по причине их отсутствия, или потому, что их деятельность оказывается за пределами профессиональных и художественных интересов и героя, и самого автора. А реконструировать культурную жизнь Вильнюса – прообраза «ханеевского» города – того же 1962 г. (года выхода книги в свет) можно легко. Например, обратившись к газетам той поры, которые сегодня воспринимаются своеобразными «капсулами времени».

В пропагандистском мусоре «Советской Литвы» (типа «Кукуруза завоевывает Сибирь», «Ультразвук и помидоры», «Словами буржуазных журналистов») обнаруживаются рецензии на новые постановки Государственного академического театра Литовской ССР (например, спектакля по пьесе Теннесси Уильямса

«Орфей спускается в ад»), анонсы премьер Государственного академического театра оперы и балета, репортажи о встрече горожан с писателем Константином Симоновым, прибывшим на премьеру своей пьесы «Четвертый», отзывы на гастрольные спектакли Кишиневского музыкально-драматического театра имени А. С. Пушкина, анонсы гастролей Варшавской оперетты и «свалившегося с неба» японского варьете. Заслуживает внимания и необыкновенно активная жизнь вильнюсского кинопроката, работающего в широком репертуарном диапазоне с учетом зрительских предпочтений: в Доме офицеров – комедия «Полосатый рейс», во Дворце культуры железнодорожников – мелодрама «Она танцевала одно лето».

«Открытый» финал повести Ханеева все-таки приоткрывает дверь в будущее главного героя: «Улицы быстро оживали. Все было очень знакомым, привычным, необходимым. “Нет, – упрямо думал Андрей, никуда я отсюда не поеду... Важно не где, а как живешь”» (с. 150).

Можно предположить, что главный герой, наконец-то обретя свое новое жизненное предназначение, решил посвятить себя радикальному обновлению города посредством возведения безликих в архитектурном отношении жилых микрорайонов, получивших с течением времени в просторечии название «спальных».

Итак, в повести О. Ханеева «У тебя впереди жизнь» советский Вильнюс «оттепельной» поры оказывается по своим урбанистическим показателям периферийным городом, в определенных, административно не отграниченных участках, плавно переходящим в село. Образ жизни в нем откровенно «старорежимный» и является по своей структуре вертикально-иерархическим, отличным от городского с его четко очерченными индивидуализированными зонами «приватного пространства» и развернутыми в горизонтали коммуникациями. Именно этим определяются и стратегия протекания повседневной жизни города, и поведенческие модели его народонаселения. Как всякая периферия, Вильнюс в повести Ханеева не вырабатывает общественно значимую и художественно ценностную продукцию. Он зависит в этом отношении от более мощного центра, поступающие оттуда «предметы столичной цивилизации» воспринимаются как крайне редкие, исключительные, символически важные, точно заполняющие потребительские лакуны – духовные и бытовые.

Такое восприятие Вильнюса можно объяснить комплексом идеологических установок самого автора, с его так называемыми «столичными» приоритетами и стратегической ориентацией на советские административные и культурные центры. Хотя бы на тот же Ленинград – город с великим прошлым и печальной судьбой «областного центра», обреченный быть безнадежно провинциальным

даже тогда, когда на грани XX–XXI в. он превратился в самопровозглашенную, никем не коронованную «культурную столицу» Российской Федерации. Но именно с ним – с городом на Неве – и связана вся последующая, в том числе и творческая, жизнь Ханеева.

Литература

- Амбрасас, К., 1962. Достижения, тенденции, перспективы. Заметки литературного критика. *Советская Литва*, № 132, 7 июня, с. 2, 4.
- Вайль, П., Генис, А., 2021. *60-е. Мир советского человека*. Москва: Corpus.
- Голубев, А., 2022. *Вещная жизнь. Материальность позднего социализма*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Каганский, В., 2001. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Канунников, С., 2025. *Хочу машину! Личный автомобиль в советской повседневности (1917–1991)*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Лавриненц, П., 2000. «Свое» и «чужое» в Вильнюсском тексте русской литературы. *Meninis tekstas: suvokimas, analizė, interpretacija*, Nr. 2, p. 141–147.
- Лебина, Н., 2023. *Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Лебина, Н., 2024. *Хрущевка: советское и нес советское в пространстве повседневности*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Папушина, Ю., 2025. *Мода в стране дефицита. Культура одежды, массовый пошив и ателье в позднем СССР*. Москва: Музей современного искусства «Гараж».
- Травкин, Д., 2024. *Как мы жили в СССР*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Ханеев, О., 1962. *У тебя впереди жизнь*. Вильнюс: Государственное издательство художественной литературы Литовской ССР.
- Evans, C.E., 2016. *Between Truth and Time. A history of Soviet Central Television*. New Haven: Yale University Press.

References

- Ambrasas, K., 1962. Dostizheniya, tendentsii, perspektivy. Zаметki literaturnogo kritika. *Sovetskaya Litva*, No 132, 7 June, pp. 2, 4.
- Evans, C.E., 2016. *Between Truth and Time. A history of Soviet Central Television*. New Haven: Yale University Press.
- Golubev, A., 2022. *Veshchnaya zhizn'. Material'nost' pozdnego sotsializma*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kaganskii, V., 2001. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kanunnikov, S., 2025. *Khochu mashinu! Lichnyi avtomobil' v sovetskoi povsednevnosti (1917–1991)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Khaneev, O., 1962. *U tebya vpered'i zhizn'*. Vilnius: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Litovskoi SSR.

- Lavrinet, P., 2000. «Svoe» i «chuzhoe» v Vil'nyusskom tekste russkoi literatury. *Meninis tekstas: suvokimas, analizė, interpretacija*, Nr. 2, p. 141–147.
- Lebina, N., 2023. *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel'*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Lebina, N., 2024. *Khrushchevka: sovetskoe i nesovetskoe v prostranstve povsednevnosti*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Papushina, Yu., 2025. *Moda v strane defitsita. Kul'tura odezhdy, massovyi poshiv i atelè v pozdnem SSSR*. Moscow: Muzei sovremenного iskusstva «Garazh».
- Travkin, D., 2024. *Kak my zhili v SSSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Vail', P., Genis, A., 2021. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka*. Moscow: Corpus.